

**ЧИТАЙТЕ
РЕТРОДЕТЕКТИВЫ
ЛИЗЫ ЛОСЕВОЙ:**

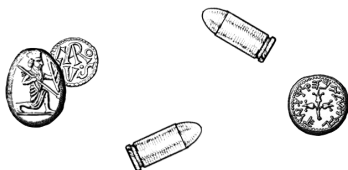
Черный чемоданчик Егора Лисицы

Правый берег Егора Лисицы

Мертвый невод Егора Лисицы

Красный парфюмер. Новое дело Егора Лисицы

Лиза Лосева

Мертвый невод
ЕГОРА ЛИСИЦЫ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л79

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Н. Каитыкиной*

Лосева, Лиза.
Л79 Мертвый невод Егора Лисицы / Лиза
Лосева. – Москва : Эксмо, 2024. – 320 с.

ISBN 978-5-04-204559-2

В отдаленном рыбацьем поселке Ряженое найдена мертвой комсомолка-активистка. Тело девушки в саване с непонятными знаками обнаружили у моря, воды которого стали багровыми. И в округе зашептались о неминуемом апокалипсисе...

Чтобы разобраться в причинах ее смерти и развеять слухи, в поселок приезжает сотрудник областного УГРО, врач-криминалист Егор Лисица. Он сталкивается с тем, что в прибрежных селах творится форменная чертовщина: местных жителей терроризирует... нечистая сила! Сложно поверить, но в этом сходятся все свидетели...

В поисках разгадки Егору Лисице придется погрузиться не только в своеобразную жизнь обитателей отдаленного уголка казачьего края, но и в историю этой земли, богатой древними сокровищами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лосева Л., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-204559-2

Колесо, что ли, попало в яму на дороге? Автомобиль тряхнуло, и плечо дернуло, заныло. Разве может так не отпустить простой вывих? Я же врач, должен понимать, что нет. С болью снова пришел крик парохода, разворачивающегося от берега. Желтое пятно портфеля — протягиваю руку, но не успеть. И все летит куда-то: в воду, в воздух, к черту — кубарем. Все тот же сон. Когда я уснул? Так устал за тяжелый, как пудовая гиря, длинный день накануне, что даже назойливая вонь бензина и тряска стали снотворным... Спросонья показалось, что на автомобиль натянули белую простыню, — такой густой туман. Машина ползет еле-еле. Мой попутчик спорит с шофером. Требуется ехать скорее, но в таком «молоке» это, конечно, невозможно.

Туман вдруг распался на обрывки — и с дороги в стороны, крича, шарахнулись чайки. «Дагерротипы проявляются под действием йодистого серебра, их изображение сравни-

мо с отражением в зеркале», — вспомнилось мне из статьи о фотографическом искусстве. Силуэты деревьев словно на негативе — проявившись из дымки, отразились в воде. И тут же пошла рябь, ветер приналег, дорога очистилась. Затопленные поля, бледная вода сливается с небом. В каналах мокнут грязно-рыжие камыши — ветер приминает их, низко окунает в воду.

— Развиднелось, дорога наладилась, теперь и поедем. — Шофер суетится, дергает ручку мотора.

Мой попутчик молчит, демонстративно глядит в окно, внезапно увлекшись супрематистским пейзажем: желтые прямоугольники и черные точки — поля и коровы.

— Где это мы? — Замерз я за ночь изрядно. Руки и ноги онемели.

Шофер явно рад, что я заговорил.

— На Костиной яме, — отозвался с готовностью. — Ночью ехали, и — дождь (так и проносит) как из ведра. Теперь вот туманище. Товарищ прав: езда медленная, но если пассажир повредится, то спросят с меня.

Он оправдывался, но не передо мной, а, свернув шею назад, перед моим молчащим попутчиком. Пожалуй, пассажиры и правда могут «повредиться»: дорога идет ямами, вода

переполняет канавы, плещется, как в ванне. Автомобиль скользит шинами, вязнет в лужах. Я вытащил карту, тряска мешала смотреть, однако нашел Костину яму между хуторами Дугино и Ряженое. В Ряженое нам как раз и надо. Шофер, держа руль, скосил в карту глаза.

— Тут вот, — не глядя ткнул и точно попал, — смотрите: лиман, а от него уже ерики идут. — Он показал на тонкие излучины каналов и добавил: — А вот тут хутора.

Я посмотрел. По карте выходило, что хутора разделяют поля. А на деле вокруг была только вода.

— Не ко времени выехали: вода идет, ее ветер гонит. Поганой силы на эту весну! Боюсь, и лодки не подойдут вас встретить — унесет. Да что лодка, утку сдувает, — шофер сунулся, показал пальцем. Стаю чирков, поднявшихся на крыло, ветер разметал по дальнему берегу ерика, как неосторожно рассыпанный табак.

От резкого рывка мы подались вперед, шофер ругнулся.

— Стоп, машина! Дальше не пройдем — низовая дала. Если только на телеге...

Впереди виднелась дорожная станция, затопленная едва ли не по ступени крыльца. За ней мост, уходящий под воду. Я вышел размяться — ботинок тут же увяз в разбухшей земле.

Ветер шуршал сухими водорослями, уцепившимися за ветки с прошлогоднего половодья. Шофер ушел и вернулся с местным мужиком в высоких сапогах.

— Дальше ходу нет, мостки унесло. — Мужик почесал за ухом, закурил. — У Семена два быка на острове остались, сунулся туда на лодке — без толку! Подойти не смог.

— Переждать надо, — снова сказал шофер.

Но мой попугайчик настаивает. Холодно, резко. Шофер злится, курит в отдалении. Я подошел к нему:

— В тот день, когда девушка пропала, она из города возвращалась на вашей машине? Вас опрашивали, я смотрел записи. Но вы мне коротко расскажите.

— Да уж опросили. От и до. — При этих словах он почему-то попилил себе ладонью по горлу. — Но я, голубчик, вот те крест, ничего не видал! Ничего не знаю! Колесо свернулось. Народу набилось полный кузов, — тосковал он, поглядывая на двухосный грузовичок с низкими бортами. — У меня ж «АМО»¹, — шофер уда-

¹ Автомобиль АМО-Ф-15 был разработан на базе итальянского грузовика FIAT, сборку которого завод АМО вел с 1919 по 1924 год. При этом в конструкцию машины были внесены существенные изменения.

рил голосом на «о». — На заграничной основе сделан. По здешним дорогам... не жилец.

Мой попутчик махнул мне, привлекая внимание. После длинных споров мужик согласился пригнать телегу. Она медленно — впряжен смоляной бык — движется, плывет. Мужик посвистывает, но ветер забивает звук обратно, и он, сплюнув, замолкает.

У самого берега нас ждала лодка. Мы погрузились и, оставив позади простор лимана, вошли в лабиринты каналов. Лодка закачалась на мелких частых волнах, попутчик схватился за фуражку, чтобы не унесло. Узкий ерик, впереди и позади одно и то же: бурые стены лохматого рогоза — непонятно, как ориентируется лодочник. Кажется, что стебли обвиты мотками веревок. Я присмотрелся: со стебля соскользнула змея и быстро поплыла в сторону лодки. Я отшатнулся.

— Гадюки. В этом годе их страсть как много, но в воде оне не жалют. — Лодочник шевельнул веслом в воде привычно, равнодушно.

Мой попутчик взглядом проводил гадюку.

— В Ряженом вас разместят. Нужно будет сразу разыскать местного фельдшера, — говорит он резко, отрывисто, откусывая куски слов. — Он должен вас встретить, но... человек ненадежный.

— Что же так?

— Мечтательный.

Он отвернулся, спрятав лицо от ветра. Попутчик мой, товарищ Турц, откомандирован в этот район от ОГПУ. Встретил я его всего день назад в нашей ростовской милиции.

Что это был за день? Теплый. Если за городом весна была нерешительная, неверная, отраженная в воде, дробящей деревья и небо, то в городе, напротив, она готовилась вступить в полную силу. Тротуар чистый, сухой, твердый. Выставлены зимние рамы. Вечерами — трамвайные огни и гудки в порту. В подворотнях высвистывал свежий ветер, трепал афиши кинотеатров, где давали «Падение династии Романовых». В музыкальных классах открыли окна, и в шум улицы врывались обрывки арий из опер и оперетт. После мартовских мокрых метелей кирпичные стены отдавали теплую влагу...

По бывшей Скобелевской улице (теперь, конечно, Красноармейской) прошел строгим шагом человек в фуражке и с портфелем. Попетлял вокруг корпуса краснокирпичных казарм и остановился у невысокого здания. А потом вдруг шагнул и — пропал. Но советская милиция мистики не любит и запросто так исчезнуть никому не даст — человек ступил

из круга фонарного света в темноту крыльца, потянул на себя дверь с табличкой, на которой значилось: «Доноблугро».

Я хотел его окликнуть, попросить придержать дверь — мешали горячие пирожки в насквозь промасленной бумаге, — но не успел.

У барьера при входе меня остановил дежурный.

— «Вечерка» извещает: за один день зарегистрирована тысяча случаев заболевания гриппом!

Я кинул взгляд на стенд с передовицей. Из-под старого «Ведется подготовка к юбилею 10 лет Февральской революции» торчит новое: «Мартовский субботник». Прицеплено вырезанное объявление: «Каждый подписчик газеты «Трудовой Дон» получит художественный фотоснимок Ленина в гробу». И ниже — Берлин сообщает, что англичане готовят очередную провокацию против советских дипломатов.

— Антисоветские планы Англии теперь неопровержимый факт, а вот Германия не поддается гипнозу британцев! — Дежурный, подняв указательный палец, резюмировал передовицу. И уже другим тоном добавил: — Товарищ Лисица, тебя к начальству вызывают.

Кабинет начальства был старый. А само начальство — новое. Только на моей короткой

памяти в Доноблугро — третье. Но разговоры велись обычно одни и те же. Песочили за небрежно заполненные отчеты и низкую скорость работы. И правда, мы успевали до обидного мало. Я, как «судмедэксперт, приписанный к розыску», имел право изучать материалы дела, осматривать вещественные доказательства и опрашивать свидетелей — в общем, почти карт-бланш, равен по полномочиям уголовному следователю. Учитывая наличие краевой лаборатории судебно-медицинской экспертизы, можно было сказать, что значимость работы криминалиста наконец-то оценили! Моя мечта сбывалась прямо в эти дни. Понимая, как чудовищно дорого обходятся ошибки в работе, я набирал практику всюду, где было можно. Всем нам приходилось быть специалистами самого широкого профиля. А среди рутины — грабежей и бандитских налетов — попадались интереснейшие для судебного врача случаи. Рук же в милиции по-прежнему не хватало. Под моим «шефством» было всего двое сотрудников да неуловимый Цырыпкин — фотограф. Один из «моих», то есть приписанных к судмедкабинету, товарищей — младший милиционер Вася Репин, прозванный Репой, — уже маялся в кабинете начальства.

За шкафом с картотекой я разглядел силуэт гражданина с портфелем. Он напомнил мне

нигилистов, какими их изображали в романах, — широкое пальто, косоворотка, волосы неровно острижены. Из этой картины выбивалась фуражка с прицепленной красной звездой, которую он держал на коленях. Гражданин молча кивнул мне. Хозяин кабинета — начальник уголовно-разыскного подотдела — поздоровался, потер переносицу, подцепил бумаги желтыми от махорки пальцами и заговорил ровным тоном:

— Большое внимание сейчас уделяется уголовщине в сельских местностях. Есть верные сведения, что на Дону и Кубани остаются несколько сотен бандитов. В их числе бывшие царские офицеры. Умело конспирируюсь...

Я устал стоять и сел, не спрашивая разрешения. Начугро не отреагировал — не признавал церемоний. Взглянув на меня, Репа тоже пристроился на клеенчатый диван.

Я никак не мог взять в толк: к чему эта политинформация? Какое отношение бандиты в станицах — хоть уголовные, хоть политические — имеют к Ростову? Начальник продолжил, уже читая по бумаге:

— Стоит задача укрепить низовой аппарат в станицах путем помощи от окружного угрозыска, то есть нас.

Начальник обвел меня и Репина взглядом, кивнул в угол:

— Вот товарищ прибыл к нам в связи с этим. Командирован из района, чтобы получить от нас содействие.

«Нигилист», несколько высунувшись, качнул головой. Протянул руку, коротко представился: Турщ. Начальник пояснил, что товарищ Турщ из ОГПУ.

— А ведомству, как вы знаете, — продолжил начугро, — доверена работа по подавлению любых контрреволюционных явлений, в том числе бандитизма и уголовщины.

Я рассмотрел тонкие, как нарисованные, брови товарища Турща и женский рот, неестественно красный в кудрявой бородке. Комиссар с лицом отрока.

Он заговорил отрывисто, будто телеграфируя, помогая себе жестами:

— В рыбацьем поселке Ряженое пропала местная активистка. Любовь Рудина. Некоторое время назад уехала в город за покупками для ячейки станичного ревкома. Но домой, то есть в общежитие, так и не вернулась. Рано утром ее товарки забили тревогу. Тело вскоре нашли. На Гадючем куте — это мыс у заводи недалеко от поселка.

Репа скучал: случай с гражданкой в станице был ему неинтересен. Для Репы настоящие дела — это бандиты или, на худой конец, валют-

чки, связанные с биржей и недавно со стрельбой ликвидированные в Ростове.

Я выдержал паузу, прежде чем задать логичный вопрос:

— Смерть насильственная?

Казалось, Турщ ждал этого вопроса, однако уточнил, почему я так думаю.

— Рискнул предположить, раз вызвали нас с коллегой, — я показал на Репу.

Турщ покачал головой:

— В том-то и дело, что местный фельдшер не обнаружил следов насильственного преступления. Не утонула, и ранений тоже никаких. Учитывая обстоятельства и обстановку, в которой нашли Рудину, местные заговорили о смерти сверхъестественной.

Я вскинул брови.

— Тело якобы находилось у берега, завернутое в материю, нечто вроде савана, — пояснил Турщ. — Но главное, что вызвало пересуды, — вода вокруг была красного цвета.

Репа присвистнул.

— Почему «якобы»? — уточнил я. Слово не показалось мне оговоркой.

— Теперь точно не узнать, как было на самом деле. Только со слов местного, который ее нашел, — выдохнул Турщ. — Австрияк — это его прозвище, он из немцев. На самом-то де-